

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2 (17)

2024

Протоиерей Владимир Василик

Сергей Сергеевич Аверинцев как исследователь византийской гимнографии

УДК 821.14'04.09-141+82.09(092)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_2_66
EDN UVJSAO

Аннотация: В статье освещается значение трудов С. С. Аверинцева в области византийской литературы и византийской гимнографии. Автор показывает онтологизм мысли С. С. Аверинцева, его тесную связь с библейской традицией, соотносимость эстетики с теологией и онтологией, его концепцию мистического историзма, его неожиданные решения сложных проблем, связанных со смыслами византийской церковной поэзии, а также поэтическое мастерство.

Ключевые слова: византизм, литература, поэзия, гимнография, эстетика, онтология, историзм, теология, перевод, метрика, строфика, кондак, канон.

Об авторе: **Протоиерей Владимир Владимирович Василик**

Доктор исторических наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Сретенской духовной академии, профессор Николо-Угрешской, Перервинской и Псковской духовных семинарий.

E-mail: fvasilik@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5051-8295>

Для цитирования: Василик В., протоиерей. Сергей Сергеевич Аверинцев как исследователь византийской гимнографии // Русско-Византийский вестник. 2024. № 2 (17). С. 66–75.

Protodeacon Vladimir Vasilik

**Sergey Sergeevich Averintsev
as a Researcher Byzantine Hymnography**

UDC 821.14'04.09-141+82.09(092)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_2_66
EDN UVJSAO

Abstract: This article enlightens the meaning of works of S. S. Averintsev in the field of the Byzantine literature and the Byzantine hymnography. The author shows ontologism of thought of S. S. Averintsev, his close link with the tradition of the Bible, correlation of Esthetic with Theology and Ontology, his conception of mystical historicism, his original decisions of complicated problems, connected with senses of the Byzantine Theological Poetry and also his poetical skills of translation.

Keywords: Byzantinism, Literatry, Poetry, Hymnography, Esthetics, Ontology, Historism, Theology, translation, metrics, strophes, kontakion, canon.

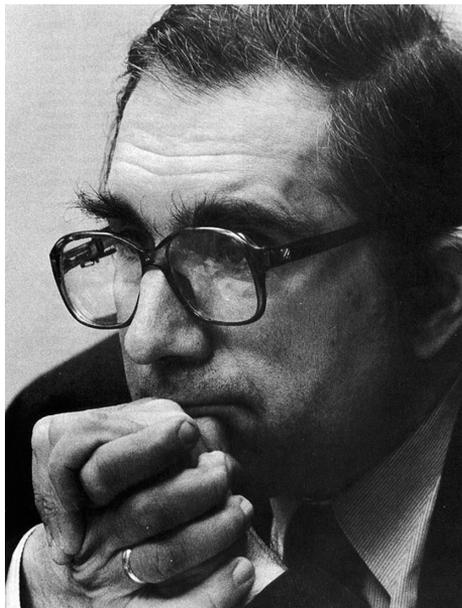
About the author: **Protodeacon Vladimir Vladimirovich Vasilik**

Doctor of History (PPD), doctor of philology, doctor of theology, a professor of chair of Slavonic and Balcan countries of St. Petersburg State University, professor of Sretenskaya Theological Academy, of Nicolo-Ugreshskaya, Perervinskaya and Pskovskaya seminaries.

E-mail: fvasilik@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5051-8295>

For citation: Vasilik V., protodeac. Sergey Sergeevich Averintsev as a Researcher Byzantine Hymnography. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 2 (17), pp. 66–75.

Сергей Сергеевич Аверинцев

Впервые я увидел С. С. Аверинцева в Москве, в 1990 г., на вечере памяти О. Э. Мандельштама. Сергей Сергеевич читал его стихи. Запомнилось, как мерно и вдумчиво он их произносил наизусть, как в стихе «Худые мужики и злые бабы» он чуть-чуть остановился перед простонародным словом «бабы». В комментариях к стихам Мандельштама он особенно останавливался на христианских источниках и на средиземноморских истоках его поэзии.

Вскоре, весной 1991 г., состоялась моя первая встреча с С. С. Аверинцевым. Как настоящий ученый и учитель, С. С. Аверинцев радовался любому росткам научной мысли и заботливо возвращал их. Никогда не забуду, с каким доброжелательством он принимал меня, тогда еще студента четвертого курса Филологического факультета ЛГУ, как он внимательно просматривал мои далеко не совершенные переводы «О Божественных именах» Дионисия Ареопагита и X гомилии патриарха Фотия и выражал сочувствие моим переводческим и научным

планам. Во время кратких встреч на конференциях и международных симпозиумах у него всегда находилось время ответить на вопрос, дать консультацию.

В 2001 г., уже будучи тяжело больным, он взялся за оппонирование моей диссертации «Однопеснец и двупеснец как эмбриональные формы канона», несмотря на недостаток сил и множество неотложных дел. Примечательно, что он прислал отзыв первым. В нем содержался целый ряд философских, историософских и богословских идей, которые во многом сопределили последующую монографию «Происхождение канона. Богословие. История. Поэтика». Среди них — идея «Большого времени»: «А если мы обратимся к тому контексту, который М. М. Бахтин называл „Большим временем“, необходимость накопленного материала становится еще более очевидной»¹. Отмечу, кстати, что С. С. Аверинцев сам жил в контексте «Большого времени». Можно указать и другие идеи — влияние «Азиатского стиля» и созданной на его основе риторики на возникновение кондака и канона, а также воздействие на его генезис самых разных христианских текстов, принадлежащих к различным жанрам². Важным для меня явился также тезис о непротиворечивости и, напротив, комплементарности историко-литургического и литературоведческого подхода³. В конце своего отзыва Сергей Сергеевич выразил радость, что на родине М. Н. Скабаллановича, А. А. Дмитриевского, Н. Д. Успенского продолжают их труды на самом высоком научном уровне, соответствующем наиболее строгим мировым стандартам⁴, что, конечно, для меня явилось высочайшей оценкой, выданной авансом, который приходится отрабатывать всю жизнь.

Наследие С. С. Аверинцева велико и многообразно. Это, конечно, его кандидатская диссертация, ставшая в дальнейшем монографией, «Плутарх и античная биография»⁵,

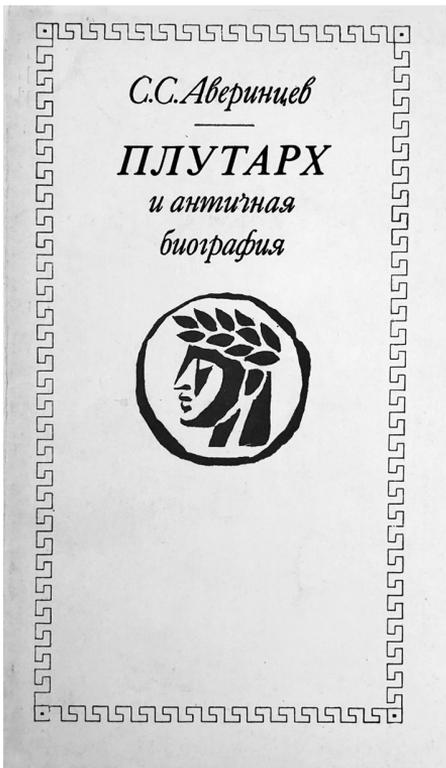
¹ *Василик В. В.* Происхождение канона. Богословие. История. Поэтика. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 7.

² Там же. С. 8–9.

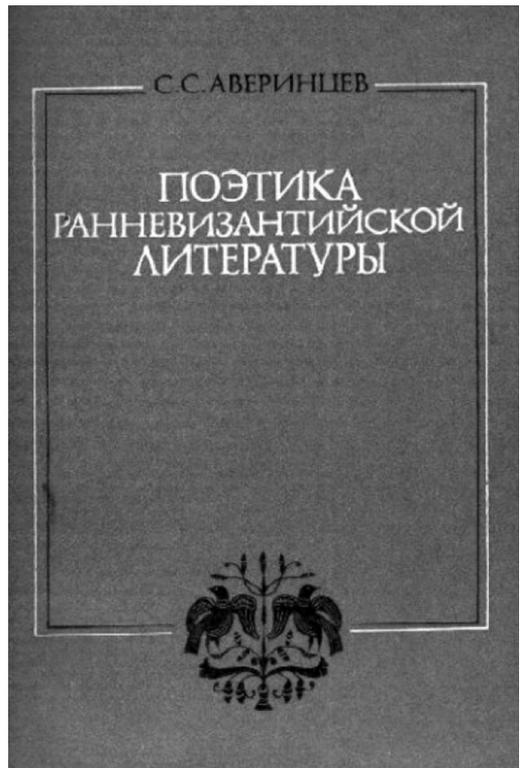
³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ *Аверинцев С. С.* Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М.: Наука, 1973.

«Плутарх и античная биография»,
издание 1973 г.

Первое издание «Поэтики
ранневизантийской литературы», 1977 г.

которая гораздо шире проблемы биографии: в ней Аверинцев определяет основные принципы поэтики античной литературы в целом. Это и работа «Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье»⁶, в которой Сергей Сергеевич, в частности, сравнивает такие, казалось бы, непохожие жанры, как византийский кондак и латинская секвенция.

Но, конечно же, основной, без преувеличения фундаментальный его труд — «Поэтика ранневизантийской литературы»⁷. Название «Поэтика», с одной стороны, в известном смысле — маскировка, необходимая в условиях официального марксизма и материализма. На самом деле в этой работе речь идет прежде всего о богословии и философии: достаточно вчитать в главы «Бытие как совершенство — красота как бытие», «Знак, знамя, знамение», «Порядок космоса и порядок истории». Однако, с другой стороны, этот труд действительно посвящен поэтике византийской литературы, если понимать поэтику не как совокупность литературных приемов, а как описание сознания, производящего тексты.

Под литературу С. С. Аверинцев подводит мощную онтологическую базу: он справедливо отмечает, что «дифференцированной науки эстетики со своими „категориями“ ранее Нового времени все же не было»⁸, и предлагает совершенно иной поход — вслед за средневековыми мыслителями связывать универсум эстетики с универсумом онтологии и космологии⁹. Бог есть, по словам свт. Григория Богослова

⁶ Аверинцев С. С., Гаспаров М. Л. Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М.: Наука, 1986.

⁷ Первое издание — Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977.

⁸ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: CODA, 1997. С. 33.

⁹ Там же. С. 35.

и прп. Иоанна Дамаскина, «безбрежный океан бытийственности»¹⁰. Но, с другой стороны, бытийственность есть «благо» во всех возможных смыслах этого слова — вот постоянная тема мысли Псевдо-Дионисия Ареопагита¹¹. «Все, что есть, в той мере, в которой оно есть, причастно благу», — говорит Августин¹². Вслушаемся в звучание этого тезиса: здесь глагол «быть» — уже никак не простая связка! Утверждается, что вещь причастна благу не в той мере, в которой она есть то-то и то-то, но в той мере, в которой она есть (смысловой акцент на глаголе). Наконец, обоим зачинателям средневекового мировоззрения вторит его западный завершитель — Фома Аквинский: «Сущее и благое суть понятия взаимозаменяемые»¹³. С особым вниманием Сергей Сергеевич останавливался на многосмысленности выражения *καλός ποιήν* — для него это и «добрый пастырь», и «прекрасный пастырь»¹⁴.

Онтология космоса у С. С. Аверинцева переходит в онтологию истории, столь прекрасно освещенную в главе «Порядок космоса и порядок истории»: «Если мир греческой философии и греческой поэзии — это „космос“, то есть законосообразная и симметричная пространственная структура, то мир Библии — это „олам“, то есть поток временного свершения, несущий в себе все вещи, или мир как история. Внутри „космоса“ даже время дано в модусе пространственности... Внутри „олама“ даже пространство дано в модусе временной динамики — как „вместилище“ необратимых событий. Греческий бог Зевс — это „Олимпиец“, то есть существо, характеризующееся своим местом в мировом пространстве. Библейский бог Яхве — это „Сотворивший небо и землю“, то есть господин неотменяемого мгновения, с которого началась история, и через это — господин истории, господин времени»¹⁵.

В числе ценных наблюдений и открытий С. С. Аверинцева — кольцевая временная модель античности, восходящая прямая Ветхого Завета и раннего христианства, а также восходящая спираль византийского мира. С. С. Аверинцев особенно отмечает библейский эсхатологический оптимизм, его целеполагание в будущем, в отличие от античности: «Последний итог античной мудрости, как правило, состоит в том, чтобы доверять не времени, а пространству, не будущему, а настоящему: „Лови день, менее всего доверяя следующему!“». Напротив, сквозной мотив Библии — обетование, на которое не только позволительно, но безусловно необходимо без колебания променять наличные блага»¹⁶. И этот эсхатологический оптимизм С. С. Аверинцев видел и в византийской гимнографии. При этом, по словам С. С. Аверинцева, Новый Завет продолжил и усилил традицию библейского мистического историзма, что справедливо и для византийского мира, в том числе и для церковно-поэтических текстов.

К этим весьма ценным наблюдениям следует добавить, что Византия знала свой «имперский эсхатологизм», или «хилиазм» — восприятие Ромейской империи как некоего тысячелетнего царства Христа на земле¹⁷, — так, в Кондаке на освящение Святой Софии встречаются следующие восторженные строки:

Ὡς τῶν ὄλων τῷ κράτει δεσπόζων εἰς τὰ ἴδια ἦλθεν ὁ κτίστης
καὶ ὡς ἴδιον τοῦτον παρελάβομεν
καὶ ναὸς γὰρ αὐτῷ πρὸς κατοίκησιν προσέγκαινίζεται
οὐδὲ γὰρ ἄξιον τὸν βασιλέα
εὐτελὲς σπήλαιον ὑποδέσθαι

¹⁰ Там же. С. 42–43.

¹¹ *Dionysius Areopagita. De coelesti hierachia. PG. 3. Col. 132.*

¹² *Augustinus. De vera religione. XI. 21. PG. 34. 729.*

¹³ *Thomas Aquinatus. Summa Theologiae. II. 18. 132.*

¹⁴ *Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: CODA, 1997. С. 32.*

¹⁵ Там же. С. 92–93.

¹⁶ Там же. С. 94

¹⁷ *Василик В. В. Церковь и Империя в византийских церковно-поэтических памятниках. СПб.: Алтейя, 2016. С. 356.*

Как царящий державой над всеми во свой жребий явился Создатель.
Как Владыку своего Его мы приняли,
И Ему ведь храм в обитание приуготовляется.
И недостойно ведь для Владыки
В вертепе жалчайшем быть сокрытому¹⁸.

Хотелось бы также отметить, что при всей правоте суждения С. С. Аверинцева относительно символизма жанра канона, в нем все же есть известный историзм, хотя бы в ритме библейских песен, которые, за исключением места песни Аввакума и Исаии, расположены в исторической последовательности — от первой песни Моисея из Исхода (Исх 15:1–15) до новозаветной песни пророка Захарии (Лк 1:68–79)¹⁹, не говоря уже о том, что целый ряд канонов, например, тот же Великий канон прп. Андрея Критского, упоминаемый Сергеем Сергеевичем, подчинены принципу мистического историзма.

Весьма значима глава «Унижение и достоинство человека». В ней Сергей Сергеевич точно подметил контраст между полной достоинства фигурой греческого или римского гражданина, обладающего правом парресии, или свободы слова и неприкосновенности своего тела, с одной стороны, — и униженным, исполненным «чревной болью» евреем Ветхого Завета, или христианином, хранящим молчание перед судьями и палачами, уподобляясь Христу на судилище фарисеев и Пилата. Эта тема весьма важна для понимания гимнографии Великой Пятницы и Страстной Седмицы в целом. При этом С. С. Аверинцев раскрыл внутреннюю пустоту античного идеала: в античном космосе отсутствует центр: сам Олимп — круг без центра. Напротив, мир Ветхого Завета и христианства — теоцентричный, что дает страждущему, униженному человеку надежду на обожение, не сравнимую с теми жалкими благами, что способны были дать герою или философу античные боги.

В главе «Знак, знамя, знамение» Сергей Сергеевич тонко подметил те вещи, мимо которых проходили иные исследователи: уподобление кожи пергаменту, крови — чернилам, а кровавых рубцов — письмам: «Для нашего восприятия несколько не менее дико, что страдания Христа на кресте могут быть ассоциированы с „чернильной“ прозой императорской канцелярии, — и притом у такого замечательного поэта, вполне чуждого бездушной придворной риторике, как Роман Сладкопевец! Метафора, однако, развернута до конца: кровь Христа — это пурпурные чернила (еще одна официальная привилегия византийских государей, не только носивших пурпур, но и писавших пурпуром), а Его окровавленное тело, снизу доверху „исписанное“ рубцами от бичей и ранами от гвоздей и копыя, — папирусная хартия. „Я макаю калам, — говорит у Романа Христос, обращаясь к Петру, — и пишу грамоту о даровании милости на вечные времена“²⁰. Сравнение рубцов от розог с письмом или орнаментом в другие эпохи встречается на правах жестокого, гротескного и циничного юмора²¹. Но для ранневизантийского поэта здесь нет и тени юмора, не говоря уже о цинизме, но, напротив, присутствует самая безусловная серьезность»²².

Умение видеть т. н. «неподобные символы», то есть такие, в которых содержание резко расходится с его формой, говорит о глубокой пронизательности Сергея Сергеевича, а равно и о его широкой эрудиции, поскольку он находит для этого сюжета барочную параллель в немецком тексте Страстей по Иоанну, где спина Христа после бичевания сравнивается с радугой после погопа.

¹⁸ Trypanis K. Fourteen Early Byzantine Canticles. Wien, 1968. P. 143.

¹⁹ См.: Василук В. В. Происхождение канона... С. 306.

²⁰ Romanus. Kontakion 34. 5.

²¹ См.: Платт. Псевдол. 2. // Его же. Избранные комедии. М.: Изд-во худож. лит-ры, 1967. С. 570.

²² Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 126.

Следует подчеркнуть, что ни один из византистов-современников С. С. Аверинцева, даже Ханс Георг Бек²³, не дошел до такой степени философского обобщения и проникновения во внутренний мир писателей и деятелей Второго Рима.

Особо следует отметить исследование С. С. Аверинцевым творчества прп. Ефрема Сирина и переводы его творений. В своей без преувеличения прорывной статье «Между „изъяснением“ и „прикровением“»²⁴ С. С. Аверинцев раскрывает сущность поэтического искусства Ефрема Сирина – мистику тайны и красоту ее раскрытия. Ранее работ Себастьяна Брока Сергей Сергеевич открывает библейское богословие и библейскую поэтику гимнов св. Ефрема. Он установил т.н. «импровизационный принцип» в творчестве св. Ефрема, а равно его метод нанизывания ассоциаций, связанных не только с подобием, но и с противопоставлением. В этом смысле характерен анализ им же переведенного гимна «Семь сынов Самоны». Приведу из него небольшой отрывок: «Двадцать девятая строфа вспоминает об искушении Иосифа Прекрасного женой Потифара, оклеветавшей целомудренного юношу и отправившей его в темницу за отказ сойтись с ней (Книга Бытия, 39, 7–20). Ключевое слово здесь – „нагота“ (‘artelajuta); как известно, Иосиф бежал от соблазнительницы, оставив в ее руках свою одежду, и потому то самое состояние „наготы“, которое обычно связано с соблазном, послужило победе над соблазном:

Некогда юноша Иосиф
обрел опасный ков, великое зло,
впал в уготованную юным сеть;
в наготе искали его погубить,
он же в наготе разрушил сеть.

Тридцатая строфа противопоставляет ситуации Иосифа, когда в роли соблазнительля и гонителя выступает женщина, а в роли мученика целомудрия мужчина, – обратную ситуацию женственной мученицы целомудрия Сусанны, оклеветанной и ввергнутой в опасность казни похотливыми старцами (девятнадцатая новелла, Книга Даниила, 13). В отличие от Иосифа, Сусанна остается не названной по имени. Над строфой господствует „звериная“ метафорика: старцы – волки, Сусанна – агница, Иосиф – львенок, жена Потифара – телица. Интересно, что раннехристианское искусство дает точную параллель этой метафорике: на фреске Катакомб Претекстата в Риме изображена агница, окруженная двумя волками, а надписи над ее головой и головой одного из волков гласят соответственно „Сусанна“ и „старцы“:

Два волка, старостию отягчены,
распаялись на агницу в саду;
напротив, львенок, телицу узрев
в опочивальне, бежал от нее,
стеснил естество, сдержал глад»²⁵.

Здесь мы видим не только широкую эрудицию С. С. Аверинцева, но и междисциплинарный подход и, самое главное, умение раскрывать сложные ассоциативные цепочки, выстраиваемые великим сирийским поэтом, умение видеть начала и концы. Подобного уровня не достигали самые лучшие сирологи, не исключая и знаменитого Себастьяна Брока²⁶.

²³ См., напр., его блестящую работу: *Beck H. G. Kirche und Theologische Literatur im Byzantinische Reich*. Muenchen, 1959.

²⁴ *Аверинцев С. С. Между «изъяснением» и «прикровением»: ситуация образа в поэзии Ефрема Сирина // Восточная поэтика: Специфика художественного образа / Отв. ред. П. А. Гринцер. М.: Наука, 1983. С. 223–260. Позднее републикована в сборнике: Аверинцев С. С. Другой Рим. СПб.: Амфора, 2005.*

²⁵ Там же. С. 258.

²⁶ *Brock S. P. The Luminous Eye: The Spiritual World Vision of St. Ephrem. R., 1985.*

Наконец, необходимо сказать несколько слов относительно стратегии перевода сирийской гимнографии С. С. Аверинцева. Вполне сознательно С. С. Аверинцев отказывается от силлабического принципа и, далеко не всегда соблюдая числа слогов, стремится передать одинаковое число ударений. В результате создается т. н. тактовик, который сближается с древнееврейской библейской ветхозаветной поэзией. Между его переводом книги Иова и гимнами прп. Ефрема устанавливается незримая связь, не только содержательная, но и внешняя. Временами ритм в переводах С. С. Аверинцева напоминает молот, раскалывающий камень, или, если прибегать к библейским аналогиям, — жезл Моисея, раскалывающий скалу и изводящий животворящий поток. Вот пример из его перевода Книги Иова (Иов 16:12–14):

Спокоен был я; Он навел страх,
схватил меня за шею, и разбил,
и поставил меня, как Свою мишень;
свистят вокруг меня стрелы Его,
Он пронзает мне утробу, не щадит,
проливает на землю мою желчь!
Пролом за проломом Он пробил во мне,
как ратник, устремляется на меня²⁷.

Сравним это с переводом Песни про взятие крепости Анацит:

Умерщвлены сыновья мои
И дочери мои вне оград моих,
Пали стены твердынь, бежали чада их,
Попраны святыни их.
Хвала наказанию Твоему!

Как тает воск от лица огня,
Так истаяли, увяли тела
Сыновей моих от жара лучей
И от жажды в ограде твердынь.
Хвала наказанию Твоему!²⁸

Особо следует сказать о переводах прп. Романа Сладкопелца. Здесь С. С. Аверинцев в целом сохраняет сложную метрику и строфику византийского оригинала, и при этом ощущается удивительная свобода и легкость перевода и в то же время его глубина. Приведем лишь один пример — из кондака «На Иуду предателя»:

Вот обман замыслил лукавейший,
вот ковы уготовал безбожнейший,
призванный — и от Тебя отложившийся,
избранный — и о Тебе соблазвившийся,
возлюбленный — и на Тебя изошрившийся!
Ты же в оный час, о Милостивец,
явил погубителю проклятому
безмерное Твое человеколюбие!

²⁷ Аверинцев С. С. Книга Иова. 16. 12–14 // *Его же*. Переводы: Евангелие от Матфея. Евангелие от Марка. Евангелие от Луки. Книга Иова. Псалмы Давидовы / Под ред. Н. П. Аверинцевой, К. Б. Сигова. Киев: Дух и Литера, 2004. С. 337.

²⁸ От берегов Востфора до берегов Евфрата. Антология восточно-христианской литературы / Пер. и коммент. С. С. Аверинцева. М.: Наука, 1987. С. 190.

Могила С. С. Аверинцева
на Даниловском кладбище Москвы

Губку насытил влагой,
длань утрудил работой;
так услужал слуге Ты,
и простирал стопы свои Иуда,
Ты же омывал их, Господи!²⁹

Здесь не только мастерски переданы гомиотелевты и сложный размер оригинала, но и ярко показан драматизм события — черное предательство Иуды и смиренное служение Спасителя ученику-предателю.

Можно сказать, что Сергей Сергеевич открыл русскому советскому и постсоветскому читателю целый континент, целую Атлантиду под названием «Христианский Восток», и в этом его непреходящая заслуга перед отечественной наукой и просвещением.

В заключение отмечу значение творчества Аверинцева в миссионерском контексте. Он действительно был миссионером — среди такого дикого племени, как советская и постсоветская интеллигенция, а также еще более дикого племени интеллигенции европейской. О силе его миссионерского таланта

и неразрывной духовной связи с византийским наследием говорит хотя бы то, что некоторые, даже весьма образованные прихожане и священнослужители считали стих «Что нам делать, раввуну, что нам делать?» творением... прп. Ефрема Сирина.

Думая о Сергее Сергеевиче Аверинцеве, вспоминаешь слова великого грузинского поэта, монаха монастыря Джвари (Креста) в Иерусалиме Шоты Руставели: «Зло мгновенно в этом мире, неизбывна доброта». Перефразируя фразу Шекспира: «Он христианин был, христианин во всем» — и в жизни, и в науке. Он посвятил себя служению Логосу — и Божественному, и его слабому отражению — человеческому. В нем ощущалась та сыновняя свобода, о которой говорил Спаситель: «Познайте Истину, и Истина делает вас свободными» (Ин 8:32).

Источники и литература

1. *Аверинцев С. С.* Другой Рим. СПб.: Амфора, 2005.
2. *Аверинцев С. С.* Между «изъяснением» и «прикровением»: ситуация образа в поэзии Ефрема Сирина // *Восточная поэтика: Специфика художественного образа* / Отв. ред. П. А. Гринцер. М.: Наука, 1983. С. 223–260.
3. *Аверинцев С. С.* Переводы: Евангелие от Матфея. Евангелие от Марка. Евангелие от Луки. Книга Иова. Псалмы Давидовы / Под ред. Н. П. Аверинцевой, К. Б. Сигова. Киев: Дух и Литера, 2004.
4. *Аверинцев С. С.* Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М.: Наука, 1973.
5. *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: CODA, 1997.
6. *Аверинцев С. С., Гаспаров М. Л.* Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М.: Наука, 1986.

²⁹ Там же. С. 300.

7. *Василик В. В.* Происхождение канона. Богословие. История. Поэтика. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2006.
8. *Василик В. В.* Церковь и Империя в византийских церковно-поэтических памятниках. СПб.: Алетейя, 2016.
9. От берегов Босфора до берегов Евфрата. Антология восточно-христианской литературы / Пер. и коммент. С. С. Аверинцева. М.: Наука, 1987.
10. *Плавт.* Избранные комедии. М.: Изд-во худож. лит-ры, 1967.
11. *Augustinus.* De vera religione. XI. 21. Patrologiae cursus complectus. Series Latina. Vol. 34. Col. 729.
12. *Beck H. G.* Kirche und Theologische Literatur im Byzantinische Reich. Muenchen, 1959.
13. *Brock S. P.* The Luminous Eye: The Spiritual World Vision of St. Ephrem. R., 1985.
14. *Dionysius Areopagita.* De coelesti hierachia. PG. 3. Col. 132.
15. *Trypanis K.* Fourteen Early Byzantine Canticles. Wien, 1968.